

Когда Цю Хэнянь покинул дом, Цин Янь твердо решил не плакать. Он должен был заботиться о доме и налаживать дела в их магазине. Без работы кузницы не было дохода, а трогать старые сбережения он не хотел. Ему нужно было содержать их семью.

Тетя Ли и У Цюнянь тоже надеялись, что их магазин сможет принести лучшую жизнь. Цин Янь не хотел их разочаровывать.

Однако в те дни, когда перестали приходить письма из Фэньюйгуаня, всякий раз, как упоминали Цю Хэняня, Цин Янь не мог сдержать слез. Чтобы не тревожить остальных, он лишь украдкой вытирал глаза.

Теперь же, ощущая знакомое тепло объятий, Цин Янь наконец-то смог дать волю слезам. Он рыдал, вымещая все свои тревоги, беспокойство и горечь, накопившиеся за это время.

Цю Хэнянь мягко поглаживал его шею и спину, время от времени наклоняясь, чтобы поцеловать его в щеку или ухо. Слезы Цин Яня пропитали тонкую ткань рубашки и словно жгли кожу под ней, а вместе с ней и сердце Цю Хэняня.

Когда человек на его плече перестал громко рыдать и только всхлипывал, Цю Хэнянь, придерживая его за подбородок, попытался поднять его лицо. Но Цин Янь упрямо прятался, уткнувшись лицом в его шею.

Цю Хэнянь тихо спросил у него на ухо:

— Что случилось?

Цин Янь протянул руку и глухо произнес:

— Нужно полотенце. Хочу вытереть лицо.

Цю Хэнянь тихо рассмеялся, при этом не выпуская его из объятий, поднялся на ноги. Человек в его руках тут же обхватил его за шею, плотно обвил ногами его талию, словно боясь упасть. Цю Хэнянь мельком посмотрел вниз. Из-за этого положения одежда Цин Яня плотно облегла его тело, и узкая талия казалась настолько тонкой, что ее можно было бы охватить одной рукой, а те места, где полагалось быть округлостям, были мягкими и упругими.

Отведя взгляд, он поправил хватку, чтобы удержать Цин Яня.

Держа его на руках, Цю Хэнянь подошел к стойке с умывальником, взял тканевое полотенце, смочил его в тазу с водой, выжал и сел обратно на край кровати. Его рука, поддерживавшая Цин Яня, осталась на месте, чуть приподняв его.

Цин Янь снова протянул руку, и Цю Хэнянь вложил влажное полотенце в его ладонь. Забрав ткань, Цин Янь наконец приподнял лицо из его шеи, но все еще держал голову опущенной, не позволяя себя увидеть. Он аккуратно вытирал лицо, напоминая маленькое животное, приводящее в порядок свою шерстку.

Когда он закончил, Цю Хэнянь почувствовал, как чьи-то пальцы легонько отодвинули его воротник, и тот же влажный кусочек ткани осторожно коснулся его шеи и плеча, вытирая влажные следы. Уголки губ Цю Хэняня слегка приподнялись, он опустил голову и нежно поцеловал макушку Цин Яня.

Лишь тогда Цин Янь рискнул поднять лицо, все еще всхлипывая и смотря на него из-под ресниц. Цю Хэнянь взглянул на его заплаканное лицо, которое покраснело от слез, и почувствовал, как сердце сжалось от мягкой боли. Он провел рукой по его теплой щеке и тихо спросил:

— Еще хочешь поплакать?

Цин Янь покачал головой. Взгляд Цю Хэняня опустился на его губы. Он сглотнул и мягко сказал:

— Тогда... можно, я тебя поцелую?

Цин Янь ничего не ответил, только смотрел на него своими влажными глазами, в которых читалась тихая покорность.

Когда Цю Хэнянь наклонился ближе, их дыхание смешалось, но Цин Янь неожиданно поднял руку и уперся в его плечо. Цю Хэнянь замер, опустив взгляд на него.

— Ты все еще думаешь, что я лесной лис-оборотень? — полушутливо спросил он.

Лицо Цин Яня вспыхнуло еще ярче. Он потупил взор и, чуть запинаясь, пробормотал:

— Ты слишком красивый... Я не привык.

Цю Хэнянь засмеялся, слегка приподнял его лицо, слегка настойчиво, и наклонился, чтобы поцеловать его. Они не отрывались друг от друга долгое время, и когда поцелуй завершился, Цю Хэнянь крепко обнял его, осыпая его висок короткими, нежными поцелуями. Его хриплый голос прошептал то, что он писал в каждом письме:

— Цин Янь, я так скучал по тебе.

На обратном пути домой Цю Хэнянь спешил еще больше, чем в начале пути.

Когда они пришли, Цин Янь предложил ему прилечь и немного отдохнуть. Цю Хэнянь, чувствуя усталость, согласился, но прежде снова чмокнул его в щеку и отправился на кровать.

Цин Янь опустил занавески над кроватью, плотно закрыл дверь во внутреннюю комнату и занялся делами во внешней. Он замесил тесто с закваской и оставил его подниматься.

Перед отъездом на северо-запад Цю Хэнянь несколько раз упоминал, что мечтает о булочках с бараниной и картофелем. Теперь, когда он больше не принимает лекарства и может есть все, что захочет, Цин Янь решил приготовить для него целую партию больших ароматных булочек.

Замесив тесто, Цин Янь вымыл руки, снял фартук и, взяв корзинку, отправился в деревенскую мясную лавку за двумя цзинями баранины. Время было вечернее, многие занимались приготовлением ужина, поэтому в лавке уже были покупатели. Войдя внутрь, Цин Янь поприветствовал знакомую:

— Тётушка Яо, на ужин мясо тушите?

Пожилая женщина, держа за руку двух-трёхлетнего малыша, улыбнулась и ответила:

— Куплю немного свинины, чтобы приготовить ребёнку паровой омлет с мясом.

Цин Янь похвалил:

— Всё-таки тётушка Яо знает толк в еде.

Когда женщина увидела, какую большую часть бараньей ноги взял Цин Янь, она удивлённо спросила:

— Цин Янь, зачем тебе столько мяса? Ты же сам столько не съешь. Зима ещё не скоро, мясо ведь не сохранится.

Цин Янь поднял голову, его ресницы дрогнули, а в глазах светились тёплая радость и нежность. Он улыбнулся и ответил:

— Хэ Нянянь вернулся домой, захотелось приготовить ему булочки с бараниной.

Тётушка Яо удивлённо воскликнула:

— Ого! Твой муж выздоровел?

Цин Янь кивнул:

— Всё прошло, он теперь совсем здоров.

Тётушка Яо вздохнула с облегчением:

— Раньше, видя тебя, я не решалась спрашивать, боялась, что тебе будет тяжело об этом говорить. А теперь всё позади. Вы с Хэнянем добрые люди, а добрые всегда получают награду. Пусть дальше в вашей жизни будет только радость!

Цин Янь вытер глаза и улыбнулся:

— Спасибо за ваши добрые слова.

С этими словами он достал из кармана две карамельки и, наклонившись, вложил их в ладонь малыша. Тётушка Яо, глядя на это, заулыбалась ещё теплее.

Купив мясо, Цин Янь вернулся домой. Там он мелко нарубил баранину, картошку нарезал соломкой и замочил в воде, а затем смешал всё с мясом.

Когда он снял ткань с миски, тесто уже хорошо поднялось — в тёплой комнате это заняло немного времени. Днём Цин Янь, сам того не замечая, слишком сильно натопил печь, и теперь тепло до сих пор не выветрилось. Недаром Цю Хэнянь шутил, что он чуть не устроил пожар. Вспомнив об этом, Цин Янь слегка покраснел.

Лепить булочки было делом быстрым, и вскоре всё было готово. Он поставил их в пароварку, залил воду, прикрыл салфеткой и оставил тесто подниматься. Затем он занялся нарезкой свинины для жарки с ростками сои. Когда все ингредиенты были подготовлены, и он уже собирался разжигать печь, дверь из внутренней комнаты скрипнула.

Цин Янь поднял голову и увидел, как Цю Хэнянь выходит в серой домашней одежде с аккуратно собранными в пучок волосами.

— Печь нужно растопить? Дай, я сделаю, — сказал Цю Хэнянь, бросив взгляд на печь, и, присев, принялся за работу.

Он ловко подложил дрова и уголь, затем стал искать огниво, но заметил, что Цин Янь застыл, глядя ему в лицо. Цю Хэнянь остановился и на мгновение посмотрел на него, а затем наклонился, чтобы поцеловать. Цин Янь инстинктивно отстранился, но, поняв, что это неловко, застыл на месте.

Цю Хэнянь всё же мягко коснулся его щеки губами, после чего с улыбкой произнёс:

— Я, кажется, начинаю завидовать себе прошлому, когда у меня были шрамы на лице.

<http://bllate.org/book/13590/1205241>